

отдать распоряжение об отстранении Ламанского от занимаемой им должности и передать его в распоряжение Ишимской военно-следственной комиссии. Причем об отданном распоряжении Домонтович просил министра его уведомить²⁸.

На этот раз реакция МВД не заставила себя ждать. Через четыре дня исполнявший обязанности министра М.Э. Ячевский уведомил Домонтовича о том, что приказом № 1212 по МВД от 8 ноября 1919 г. Ламанский уволен от службы с передачей его в распоряжение Ишимской военно-следственной комиссии. Ячевский проинформировал Домонтовича, что сообщение об этом одновременно будет направлено управляющему Енисейской губернией и Ишимской военно-следственной комиссии²⁹. Последнее обещание, однако, если МВД и намеревалось его выполнить, потеряло всякий смысл, поскольку за день до этого колчаковцы оставили Ишим.

Весьма похоже, что управляющий Енисейской губернией тоже не был осведомлен об увольнении Ламанского. Во всяком случае 9 ноября он издал приказ, в соответствии с которым на Ламанского возлагалось заведование двумя из шести участков Канского уезда³⁰. Никаких других документов, которые позволяли бы проследить жизненный путь Ламанского в условиях крушения колчаковского режима, пока не обнаружить не удалось.

Но даже без этой финальной стадии казус Ламанского весьма поучителен. Он свидетельствует о том, что роль советского комиссара юстиции, которую Ламанский успешно сыграл с согласия антибольшевистского офицерского подполья, являлась в своем роде уникальной, сложной и небезопасной не только в физическом, но и в нравственно-этическом отношении. В обстанов-

ке принявшей широкомасштабный и затяжной характер Гражданской войны служба в советской юстиции наложила серьезный отпечаток на дальнейшую судьбу Ламанского. Сотрудничество Ламанского с большевиками в последующем осложнило его идентификацию как контрреволюционно настроенным населением Ишима, так и разного рода властями, которые не были посвящены в замысел подпольщиков. В результате Ламанский оказался в трагическом положении «чужого среди своих».

Казус Ламанского свидетельствует также о том, что в среде кадровых офицеров, выдвинувшихся в период правления А.В. Колчака на передний план и занявших многие ключевые позиции в военно-административном и судебно-следственном аппарате, имелись люди, оказавшиеся не способными извлечь политические уроки из новейшей истории России, за время революции и Гражданской войны ничему не научившиеся. Объективно их консервативная позиция не только не способствовала укреплению лагеря контрреволюции, а, напротив, вела к его дальнейшей фрагментации и ослаблению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. документов и материалов / сост. и науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007.
2. Красный архив. М., 1937. № 6 (85). С. 102–137.
3. Документы героической борьбы: сб. док. материалов, посв. борьбе против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции на территории Енисейской губернии (1918–1920 гг.). Красноярск, 1959.

*Статья поступила
в редакцию 03.12.2012*

УДК 94(57)''1913/1920''

Г.М. ЗАПОРОЖЧЕНКО

СОЮЗЫ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ В ГОРОДАХ СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (1913–1920 гг.)*

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: galinakoop@yandex.ru

В статье исследуется процесс союзного строительства городской и рабочей потребительской кооперации Сибири в 1911–1920 гг. В центре внимания автора – опыт деятельности крупных городских веселословных и рабочих потребительных обществ по созданию районных и областных союзов, попытки организации Всесибирского союза городской и рабочей кооперации. Делается вывод о том, что процесс централизации кооперативного движения деформировал свободное организационное строительство потребительской кооперации.

Ключевые слова: потребительская кооперация, Закупсбыт, союзы потребительных обществ, Сибирь.

²⁸ Там же. Л. 163.

²⁹ Там же. Л. 164.

³⁰ Енисейский вестник. 1919. 14 нояб.

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-01-00105/12а.

Малоизученной страницей истории городской потребительской кооперации Сибири является ее союзно-организационная деятельность, особенно в годы революций и Гражданской войны (1917–1920 гг.) [1, с. 202]. Это был период тяжелейшего экономического кризиса кооперации и в то же время период ее наивысшего расцвета. На 1 января 1917 г. количество кооперативов в Сибири достигло 12 790, из них потребительских – 8140. Сибирь была также регионом наиболее мощного в России союзного строительства, насчитывая 94 союза: 46 потребительско-производительных, 47 кредитных, 1 маслодельный¹. Большинство союзов действовало в рамках трех крупнейших сибирских объединений кооперативных организаций: Союза сибирских маслодельных артелей (с 1907 г.), Закупсбыта (с 1916 г.) и Союза сибирских кредитных союзов (с 1917 г.).

В городских условиях деятельность потребительской кооперации должна была бы стать наиболее активной вследствие большей оторванности горожан от производства необходимых предметов потребления. Однако подавляющее большинство потребительских обществ (80 %) находилось в сельской местности². Городские кооперативы изначально являлись посредниками между сельскими кооперативами и рынком. Последние входили в городские общества потребителей в качестве членов-пайщиков, пользовались их складами. Так, в 1911 г. семь уездных потребительских обществ вступили в число пайщиков барнаульского кооператива «Труженики», который разработал устав Алтайского товарищества кооперативов [2, с. 87]. Томский кооператив «Деятель» с 1913 г. обслуживал ближайший к городу район и сельские потребительские общества Нарымского края [3, с. 3] и т.д.

Устав ограничивал район деятельности городских потребительских обществ территорией города и его уезда, поэтому крупные городские кооперативы не могли осуществлять операции с пайщиками и населением деревень и мелких городов. Выход состоял в образовании районных кооперативных союзов. Типичной для сельских кооперативов была картина, нарисованная в отчете инструктора томского «Деятеля». Он объехал общества Нарымского края и сообщил: «Деревенские потребительские общества слабо развиваются, в них царит беспомощность и анархия, счет ведется по памяти, надеются на городского собрата – богатого и культурного, с опытными работниками и с нетерпением ждут объединения кооперативов»³.

В Мариинске, Новониколаевске, Томске, Омске, Красноярске, Нижнеудинске, Верхнеудинске, Иркутске, Чите крупные городские потребительские общества явились организаторами союзного движения. Кооператоры Мариинска первыми нашли приемлемую форму районных союзных объединений – «Торгово-промышленное товарищество кооперативов». «Мы

можем с уверенностью сказать, – писал Д. Илимский, – что не будь в те времена городских обществ, и не будь связи между ними и деревней, не было бы сейчас такого большого количества союзов, какое имеется в Сибири» [4, с. 19]. В годы Первой мировой войны союзное кооперативное строительство ускорилося. В 1914 г. кооператорами Мариинска и Верхнеудинска были созданы Мариинское и Прибайкальское торгово-промышленные товарищества кооперативов, кооператоры Читы учредили Торгово-промышленное товарищество кооперативов Забайкальской области. В 1915–1916 гг. возникли «Томский кооператор» и «Обский кооператор» (Новониколаевск), Минусинское посредническое товарищество кооперативов и другие союзы.

Уже на раннем этапе союзного строительства обнаружились глубокие объективные противоречия между городской и сельской кооперацией. В 1915 г. на съезде Забайкальского товарищества кооперативов читинское общество потребителей «Эконом» выступило против подписания союзного договора с сельскими кооперативами и принятия их в союз из-за их финансово-хозяйственной слабости⁴. Районные союзы, ориентировавшиеся на деревню, входили в качестве членов в образованный в 1916 г. Союз сибирских кооперативных союзов – Закупсбыт, который представлял собой объединение смешанного типа, выполнял как закупочные, так и сбытовые операции. Практика показала, что трудно было примирить стремление потребительского кооператива купить хлеб подешевле с намерением кредитного товарищества продать зерно подороже. На втором очередном совещании членов комиссии сибирских кооперативов по закупкам и сбыту 14–16 августа 1916 г. при Новониколаевском отделении Московского Народного банка представитель красноярской «Самодетельности» М.И. Фрумкин подчеркнул, что деревня потребляет совершенно не те товары, какие необходимы городскому населению. В резолюции совещания указывалось, что городские кооперативы переросли уровень объединения районного масштаба и нуждаются в прямой связи с более крупными кооперативными центрами – Закупсбытом и Московским союзом потребительских обществ (МСПО). В сентябре 1916 г. некоторые общества выступили даже против посредничества Закупсбыта, ориентируясь на прямые связи с МСПО⁵. Орган красноярской «Самодетельности» журнал «Самодетельность потребителя» опубликовал статью «Полезная централизация или вредное посредничество?», где критиковалось разорительное посредничество районных союзов и Закупсбыта⁶. Не только в смешанных союзах, но и в чисто потребительских обнаружилось расхождение интересов сельских и городских потребителей.

Однако городская кооперация на два года отложила попытку реализации проектов самостоятельно-

¹ Труженик. 1919. № 9. С. 3.

² ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 348. Л. 32.

³ Сибирская жизнь. 1915. 23 мая.

⁴ Союз потребителей. 1915. № 24. С. 827.

⁵ Там же. С. 826.

⁶ Самодетельность потребителя. 1916. № 4–6. С. 14.

го объединения. Главной причиной отсрочки стала государственная и общественная регламентация заготовок и распределения товаров массового потребления, которая централизовала весь союзный аппарат и не позволяла разрывать связи городских потребительских обществ со своим союзом. Февральская революция дала кооперации долгожданный кооперативный закон, устранивший юридические препятствия для учреждения и деятельности всех видов кооперативов и их союзов. Но вопрос организационного строительства приобрел еще большую остроту. К 1917 г. сибирская городская и рабочая потребительская кооперация благодаря опыту снабжения населения важнейшими товарами и продуктами в условиях Первой мировой войны превратилась в заметную общественно-экономическую силу, выросла численно, ее сеть в городах уплотнилась. Крупнейшие изменения в народнохозяйственной жизни страны, вызванные потрясениями войны и революции, нарушили нормальные условия торговли и работу транспорта, еще более усугубив недовольство городских и рабочих кооперативов зависимостью от сельской производительно-потребительской кооперации. В 1918–1919 гг. связи большинства сибирских кооперативных союзов с Центросоюзом (бывшим МСПО) разрушились, освободившуюся нишу занял Закупсбыт, объединивший союзы Сибири, Приуралья и Дальнего Востока [5, с. 50]. Проблема обслуживания городского населения потребительской кооперацией была поставлена в письме правления красноярского общества потребителей «Самодетельность» в Закупсбыт в феврале 1920 г., в котором указывалось, что обслуживание городских кооперативов в Закупсбыте через районные и губернские объединения создавало лишнего посредника. В то же время сибирские кооперативные центры и прежде всего Закупсбыт, являясь объединениями не только потребительской, но и производительной сельской кооперации, не удовлетворяли потребность городских потребителей в муке, крупах, масле и других важнейших продуктах. Для удовлетворения этих нужд городским потребительским обществам приходилось иметь свой дорогостоящий заготовительный аппарат. Занимаясь преимущественно сбытом сельскохозяйственной продукции и сырья, сибирские кооперативные центры не способствовали удешевлению продовольствия для городского населения. Лишение городской кооперации права представительства на съездах уполномоченных Закупсбыта не позволяло своевременно выявить ее требования⁷.

Оказавшись в таких дискриминационных условиях обслуживания, городские общества потребителей Сибири пошли на создание самостоятельных союзных объединений [6, с. 8]. В 1918 г. возникли Томский, Новониколаевский и Омский союзы городских и рабочих кооперативов, которые состояли членами Закупсбыта. Томский «Деятель» уже в 1917 г. инициировал создание в городе, где действовало около 16 потреби-

тельных обществ, объединенного закупочного бюро. Оно работало до 1918 г., а затем было преобразовано в Союз городских обществ потребителей⁸. В союз, кроме «Деятеля», вошли общества потребителей служащих правительственных и общественных учреждений (открыто 9 сентября 1917 г., 3850 членов), Томского университета (основано 15 октября 1916 г., 200 членов), технологического института (200 членов), Министерства народного просвещения, служащих и рабочих Томской железной дороги (1296 членов), Кольчугинской железной дороги (350 членов), почтово-телеграфного округа и др.⁹

Новониколаевский союз городских кооперативов возник в апреле 1918 г., в августе к нему присоединилась «Экономия», учрежденная в 1912 г. Кроме нее, в союз входили основанные в 1917–1918 гг. потребительские общества служащих и рабочих почтово-телеграфного ведомства (321 член), учащихся (1874 члена), Алтайской копи (271 член), Омской железной дороги (3285 членов), городских работников (718 членов), кооперативы «Свобода», «Культура», «Дом польский», «Холодильник», «Пробуждение», «Сила», «Бережливость». Всего союз включал 32 986 членов и обслуживал около 160 тыс. чел.¹⁰

Устав Омского союза городских обществ потребителей был утвержден 8 ноября 1918 г. В него вошли учрежденное в 1915 г. Омское городское общество потребителей (3956 членов), основанные в 1918 г. кооперативы «Труд» (2 тыс. членов), «Земля и труд» (425 членов), «Увечный воин» (85 членов), Общество потребителей служащих механического и литейного завода (300 членов). Общая численность союза составляла 6766 пайщиков. Вместе с членами семей и посторонними покупателями союз обслуживал около 172 тыс. чел. [7, с. 72–73].

Частным совещанием представителей городских кооперативов на Омском кооперативном съезде в сентябре 1918 г. была выдвинута идея создания Всесибирского союза городской и рабочей кооперации. Созыв съезда был поручен иркутскому обществу потребителей «Труженик-Кооператор». Для того чтобы предотвратить раскол городской и сельской кооперации, Закупсбыт решил изменить политику по отношению к городской кооперации и устранить причины, толкающие ее на создание собственного союза. На съезде работников неторговых отделов сибирских кооперативных союзов, проходившем 28 декабря 1918 г. – 6 января 1919 г., крупным городским и рабочим кооперативам с количеством членов свыше 10 тыс. предоставлялось право непосредственного вхождения в члены Закупсбыта, крупные потребительские общества с количеством членов, не достигающим 10 тыс., могли входить в Закупсбыт на правах обслуживаемых членов; кроме того, вводились новые формы представительства на собраниях уполномоченных

⁸ Там же. Д. 539. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 323. Л. 80.

¹⁰ Там же. Д. 303. Л. 8.

⁷ ГАНО. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 492. Л. 24–25 об.

Закупсбыта, учитывающие интересы городской и рабочей кооперации¹¹.

Первый съезд городских и рабочих кооперативов Сибири состоялся 15–24 марта 1919 г. в Иркутске. Немногочисленный состав съезда включал 18 представителей от 16 городских и рабочих обществ потребителей Иркутска, Читы, Верхнеудинска, Мысовска, Красноярска, Минусинска, Семипалатинска, 3 представителей от Центросоюза, 1 – от Закупсбыта и 1 – от Народного банка и Всекосоюза. Важным итогом съезда делегаты считали постановку и обсуждение вопросов о взаимоотношениях различных видов кооперации и принципах ее организационного строительства. Представители городских и рабочих кооперативов единогласно констатировали глубокое различие между городской и сельской кооперацией в области заготовок товаров и идеологии, сделав вывод о необходимости самостоятельного объединения городской и рабочей кооперации. Представители центральных организаций – Центросоюза и Закупсбыта – не разделяли их позицию. Обсуждение идеи о создании Всесибирского союза городской и рабочей кооперации из-за недостаточной проработки было отложено до второго съезда, делегаты ограничились созданием координационного Бюро¹². Решения съезда сводились к задаче обеспечения «совершенства и дешевизны закупочно-распределительного аппарата» путем «устранения излишних, хотя бы и кооперативных посредников»¹³. Кроме того, съезд признал, что союзы обществ потребителей на территории одного города или района, объединявшие «карликовые» общества потребителей, также создают лишнего кооперативного посредника, поэтому первоочередной задачей городской кооперации является перестройка таких союзных объединений в единые многолапочные кооперативы¹⁴.

Идеи съезда получили развитие в решениях районных и областных совещаний, общих собраний кооперативов. Поиск правильных форм организационного строительства сводился к объединению отдельных городских кооперативов в многолапочный кооператив, переходу от общих собраний на управление через собрания выборных уполномоченных и вхождение в Центросоюз¹⁵. Районное совещание городских, рабочих и железнодорожных обществ потребителей в Иркутске 26–27 мая 1919 г. работало в духе решений съезда, выступив против получения товаров только через Закупсбыт, за прямые отношения с Центросоюзом. Совещание настаивало на целесообразности слияния хозяйственных аппаратов Центросоюза и Закупсбыта под общим управлением этих центров с обеспечением достаточного представительства в нем интересов городской, рабочей, а также железнодорожной кооперации¹⁶.

На проходившем в августе 1919 г. в Чите областном совещании представителей городской и рабочей кооперации, где присутствовали представители крупных обществ («Эконома», «Трудового союза», «Дровосека», «Кооперативной столовой», «Горного кооператива» и др.), предпринимались «яростные атаки на Закупсбыт». В резолюциях совещание призвало к сплочению потребительской кооперации вокруг Центросоюза как организации чисто потребительской и к игнорированию Закупсбыта как организации смешанной, на которую оказывали огромное влияние кооперативы производителей (маслодельные артели)¹⁷.

Настойчиво проводилась в жизнь идея «многолапочки». Немногочисленные их противники считали, что мелкие общества имеют преимущества в поиске и приобретении товаров на рынке малыми партиями, и в них прочнее сохраняется естественная связь членов со своим кооперативом¹⁸. Однако в течение 1918 г. сибирские кооперативы перешли на устав многолапочного потребительского общества, управляемого собранием уполномоченных, что считалось «важнейшим явлением финансовой жизни потребительских кооперативов в 1918 году»¹⁹. В декабре 1918 г. правление союза «Обский кооператор» указало Новониколаевскому союзу городских потребительских обществ на недопустимость непроизводительных расходов по содержанию 16 правлений, 16 канцелярий, в то время как при едином многолапочном кооперативе было бы одно правление, одна канцелярия и т.п., т.е. расходы сократились бы почти в 16 раз²⁰. В июне 1919 г. начался процесс реорганизации городских союзов потребительских обществ Новониколаевска, Омска²¹ и Томска²² в многолапочные кооперативы.

Таким образом, руководители городской кооперации не были удовлетворены предложенным решением Закупсбыта о членстве кооперативов с десяти-тысячным составом, считая его противоречивым и оторванным от действительности. На практике даже крупным кооперативам не просто было вступить в члены Закупсбыта. Так, на письмо председателя правления новониколаевского общества потребителей «Экономия» в Закупсбыт в июле 1919 г. с просьбой о приеме в члены организации был получен отрицательный ответ с мотивировкой, что для вступления в члены Закупсбыта необходимо выполнение целого ряда формальностей, требуемых уставом, которые «Экономией» не были выполнены²³. Если вступление в члены Закупсбыта было доступно только кооперативам четырех–пяти городов Сибири (Томска, Омска, Красноярска, Новониколаевска, Иркутска), то что же было делать более мелким обществам потребителей? Например, общество потребителей в Ачинске насчи-

¹¹ Там же. Д. 411. Л. 56.

¹² Труженик. 1919. № 1. С. 6–7.

¹³ ГАНУ. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 476. Л. 2–3.

¹⁴ Там же. Л. 1–1 об.

¹⁵ Труженик. 1919. № 5. С. 6.

¹⁶ ГАНУ. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 487. Л. 36–36 об.

¹⁷ Там же. Д. 488. Л. 73–74.

¹⁸ Союз потребителей. 1917. № 34–35. С. 60–64.

¹⁹ Там же. 1919. № 1–2. С. 14.

²⁰ ГАНУ. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 425. Л. 5.

²¹ Труженик. 1919. № 4. С. 3–4.

²² ГАНУ. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 327. Л. 103.

²³ Там же. Д. 425. Л. 10–11.

тывало всего 1166 членов. В июле 1919 г. общее собрание этого кооператива приняло решение о проведении самостоятельных заготовок, минуя Закупсбыт и Енисейский губернский союз кооперативов, которые были не в состоянии снабдить кооператив товарами, хотя они имелись на рынках²⁴. Правление «Бийского кооператива» отмечало, что городские кооперативы с числом членов менее 10 тыс. «низводятся Закупсбытом на роль пасынков, которым будут, очевидно, попадать только крохи, оставшиеся от полноправных членов». Оставаясь в составе местных союзов, они получают только 1/10 необходимых товаров и вынуждены 9/10 добывать самостоятельно, «что в настоящее время значит питаться от спекулянтов». Потребительные общества не в состоянии платить полный взнос в местный союз (в размере 30 руб. с человека – 10 руб. пай и 20 руб. постоянный аванс) для удовлетворения только одной десятой потребности в товарах²⁵. «Такое общество, – рассуждало правление Красноярской «Самодетельности», – которому до 10 000 членов надо долго ждать, нуждаясь в непосредственных сношениях с Закупсбытом, возьмет и распылится на мелкие общества, чтобы образовать союз и вступить в Закупсбыт»²⁶.

Городская и рабочая кооперация справедливо выступала против мешающей свободному союзному строительству «опеки старших товарищей из Закупсбыта»²⁷, добиваясь самостоятельной работы на рынке оптовых закупок и установления непосредственных хозяйственных отношений с последним. Ее руководство считало, что должна сложиться сеть городских союзных объединений потребительской кооперации с образованием особого отдела городских кооперативов из их представителей при Закупсбыте²⁸.

Союзно-организационная деятельность сибирской городской кооперации происходила в русле захлестнувшей с 1917 г. кооперативную жизнь мощной тенденции к централизации, отрицательными последствиями которой стала утрата важнейших черт, присущих кооперации свободного периода, – самостоятельности и самоуправления. Характерными проявлениями этого процесса являлись наблюдавшиеся, например, на общем собрании одного из томских кооперативов по поводу слияния в единый многолаводный кооператив

«полнейшая индифферентность членов общества к такому важному вопросу в его жизни, как слияние, и бесконечные споры не членов общества, а инструкторов по поводу тех или других, уже пережеванных комиссией, пунктов»²⁹.

Конец попыткам городской и рабочей кооперации Сибири создать собственные союзные объединения был положен реализацией в 1920 г. декрета СНК «О потребительских коммунах» от 20 марта 1919 г. На основании декрета все городские и рабочие потребительные общества и их союзы были ликвидированы, вместо них были созданы единые рабоче-крестьянские потребительские общества (ЕПО) в губернских и уездных городах Сибири, объединенные в губсоюзы в соответствии с территориально-административным делением. Из общественно-хозяйственной системы потребительская кооперация превращалась в технический аппарат государственных продовольственных органов, который занимался карточным распределением государственных товаров, заготовкой сельскохозяйственной продукции в порядке государственной разверстки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаев А.А. Советская потребительская кооперация: основные этапы и тенденции развития (1917–1991 гг.) // Кооперация Сибири: история и современное состояние. Новосибирск, 2006. Вып. 5.
2. Омич М. Сибирская кооперация в 1912 г. // Вестник кооперации. 1912. № 6.
3. Томское общество потребителей «Деятель»: отчет за 1915 г. Операционный год 3-ий. Томск, 1916.
4. Илимский Д. Кооперативные союзы в Сибири (1908–1918). М., 1919.
5. Рынков В.М. Кооперация и власть на Дальнем Востоке на заключительном этапе Гражданской войны (1920–1922 годы) // Кооперация: история и современность. Новосибирск, 2011.
6. Николаев А.А. Потребительская кооперация Сибири: основные тенденции развития и оценка исторических этапов // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 2.
7. Ловцов И. О строительстве городской и рабочей потребительской кооперации в Сибири // Сибирская кооперация. 1919. № 1.

Статья поступила
в редакцию 08.11.2012

²⁴ Там же. Д. 512. Л. 3–4 об.

²⁵ Там же. Д. 449. Л. 9–10.

²⁶ Там же. Д. 492. Л. 24–25 об.

²⁷ Там же. Д. 449. Л. 9–10.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Ф. Д-51. Оп. 1. Д. 539. Л. 4.